

Н. И. Родный (справа). XIII Международный конгресс историков науки. МГУ, 1971 г.

От редакции

Во втором номере журнала мы сообщали о визите в ИИЕТ АН СССР двух ведущих историков науки и техники Смитсоновского Института, работающих в Национальном музее американской истории. Ниже публикуются журнальные варианты лекций, прочитанных ими в Москве и Ленинграде. Публикация сопровождается вводной статьей переводчика.

ИМПЕРИЯ КУЛЬТУРЫ

В самом центре американской столицы, между Капитолийским холмом и монументом Джорджу Вашингтону расположился Смитсоновский институт. Его здания, словно представляя все архитектурные стили от классицизма до модерна, обступили огромную площадь — знаменитый Молл, что в переводе означает «тенистое место для гулянья». Название в данном случае вполне обосновано — обсаженный вековыми деревьями просторный газон как нельзя лучше подходит для прогулок. И не только: каждое лето он на 10 дней становится ареной Американского фольклорного фестиваля, на котором ремесленники и музыканты всех штатов охотно демонстрируют свои таланты и традиционное искусство.

Об этом, как и о многом другом, можно узнать из 3-минутных сообщений, включаемых 175 телестудиями страны в свои информационные программы, из еженедельной получасовой передачи «Радио Смитсонизэн», транслируемой 80 станциями по национальному радиовещанию и, разумеется, из анонсов и комментариев, публикуемых в 1,5 тыс. американских газет.

К услугам тех, чьи интересы и любознательность отличаются глубиной и постоянством, — телесериал «Смитсоновский мир», ежемесячный «Смитсоновский журнал», наконец, свыше 100 научных монографий, выходящих каждый год в свет, чтобы сообщить новые сведения о коллекциях и исследованиях смитсоновцев и просто о науке, технике, искусстве и их истории.

Всё это, не считая многочисленных брошюр, буклетов, аудио- и видеозаписей, роскошно иллюстрированных изданий, вроде «Сокровищ Смитсонии», а также проспектов и каталогов сотни постоянно обновляемых тематических экспозиций, круглый год путешествующих по стране и за рубежом.

Но и это ещё не всё! Путеводители извещают, что кроме 13 музеев и художественных галерей, собравшихся возле «средневекового замка» в уже знакомом нам месте, в двадцати минутах езды на северо-запад расположился Национальный зоопарк с 3,5 тыс. обитателей, а в Анакостии, исторической части южного Вашингтона — музей афро-американской культуры. Тем же, кто изучает дизайн и хотел бы ознакомиться с его историей и современным состоянием, придется посетить дворец небезызвестного Эндрю Карнеги в Нью-Йорке, где сейчас размещился соответствующий музей со 167 тыс. экспонатов.

Кстати о Замке, готический силуэт которого стал символом Смитсоновского института. Эта первая из смитсоновских резиденций была сложена из красного кирпича спустя 9 лет после основания самого Института в 1846 г. и за 8 лет до возведения Капитолия. В наши дни отсюда осуществляется управление всей почти необъятной институцией, включая её «заморские департаменты». Здесь же проходят официальные церемонии.

Вряд ли думал Джеймс Смитсон 27 июня 1829 г., умирая в Генуе, что завещанные им к немалому удивлению родственников 260 тыс. фунтов стерлингов положат начало крупнейшему в мире музейному комплексу. Сей почтенный джентльмен, пожалуй, единственный в роду герцогов

Нортумберлендских, увлекался, по отзывам его оксфордских наставников, химией и минералогией, и в 1802 г. подтвердил их наблюдения, описав цинковую руду, названную в его честь смитсоном. Мало известный у себя на родине, он часто бывал в Париже, где поддерживал дружбу со многими знаменитыми учеными и никогда, за все 64 года своей жизни, не ступал на американскую землю. Тем не менее именно благодаря ему множество людей ежегодно устремляются в Вашингтон, куда их привлекают возможности, предоставляемые для научных исследований и 137 млн. экспонатов, образующих музейные фонды Смитсоновского института. Достаточно указать, что только Аэрокосмический музей принимает в год до 10 млн. посетителей, Музей американской истории — 6 млн., а в общей сложности Национальные музеи Смитсоновского института за год посещают свыше 20 млн. человек.

Итак, что же в музеях? Практические все: от лаковых миниатюр до сверхсовременных истребителей, причем все это «настоящее» или «как настоящее», вроде динозавров из Музея естественной истории. Более того, следуя воле своего основателя и мандату Конгресса — «приумножать и распространять знания» — Смитсоновские музеи строят свою выставочную работу с учетом интересов всех возрастных, социальных и образовательных групп экскурсантов. Можно долго спорить о целесообразности и достоинствах такого подхода к истории, о социокультурном, контекстуальном и другом «фоне», но экспозиции оправдывают себя одним фактом существования — достаточно взглянуть ...

Поэтому домохозяйка, которую в Национальный аэрокосмический музей завлек её десятилетний сын, давно желавший забраться в лунный модуль «Аполлона-11», тоже невольно задержится перед длинной витриной, на которой представлена история униформы стюардесс и пилотов, в то время как историк вертолетостроения будет в специально отведенном зале с профессиональным интересом знакомиться с документами, относящимися к творческой биографии И. И. Сикорского. И хотя самолет братьев Райт встречает посетителей прямо у входа в музей, подлинное знакомство с историей первых полетов аэропланов состоится чуть поодаль и пройдет под звуки рэгтайма. Что же касается аппаратов «легче воздуха», то увидеть воздушные шары и монгольфьеры можно вкуче с их мотивами, запечатленными на заре воздухоплавания в элементах декора, художественного фарфора и мебельных инкрустаций.

Да что там униформа! В Национальном музее американской истории можно увидеть «как живую» Мэри Линкольн и других Первых леди, оценить конструкцию первенца конвейерного производства — «Форд-Т», перелистать ноты Дюка Эллингтона и воочию увидеть такие американские реликвии, как Национальное знамя, печатный станок Бенджамина Франклина, локомотив Джона Булля и телефон Александра Белла. Специальные залы отведены бонистам, нумизматам, филателистам ... Последним повезло особенно. Одно сознание того, что Смитсоновская национальная филателистическая коллекция насчитывает свыше 14 млн. марок, позволит скромному коллекционеру почувствовать себя фронтирсменом, тем более, что здесь же в музее можно зайти в почтовое отделение времен освоения дикого Запада.

Ну, а если вы действительно интересуетесь историей науки и техники, то наверняка узнаете много интересного из истории медицинских наук, фотографии, электричества, железных дорог, научных приборов, строительства мостов, производства стекла и т. д. и т. п. Не забудьте посетить специальные тематические экспозиции музея, посвященные машинному перевороту, современной революции в информатике и, конечно, знаменитой «Филадельфийской выставке» 1876 г. Она находится неподалеку, во втором старейшем здании Смитсоновского института — «Искусств и ремесел», в стенах которого в 1881 г. был дан инаугурационный бал по случаю начинавшегося президентства Дж. Гарфилда, а в наши дни даются представления для детей, устраиваемые с октября по июнь «Театром открытий». Тут и разместились экспонаты со «Столетней выставки», сам вид которых может больше сказать о динамичном духе Америки XIX в., её эстетике и умонастроениях, чем иная монография, посвященная викторианской эпохе.

Отдохнуть от созерцания этой торжествующей машинерии можно в прилегающем к музею прелестном саду с экзотическими растениями, разбитому в том же викторианском стиле. Не удивляйтесь, узнав, что вы вместе с 4 акрами зеленых насаждений находитесь на крыше нового подземного комплекса, предназначенного для исследовательских, выставочных и образовательных целей. Пусть данная информация станет ещё одним поводом взвесить свои впечатления от посещения Института.

Если увиденное в «Смитсонии» вам понравилось, то наверняка появится смутное желание как-то приобщиться ко всему этому ... Получить «вид на жительство» совсем просто. Всего

за 20 долларов вы сможете на целый год стать её ассоциированным членом, отмеченным массой льгот и привилегий. Вам будет предоставлено право участвовать во множестве программ и семинаров, рассчитанных на любой вкус, будь то увлечение авиацией времен первой мировой войны, генеалогией или старинной мебелью. Вы сможете в составе специальных туристических групп, возглавляемых опытными инструкторами, путешествовать по Национальным паркам и заповедникам, а также по Португалии, Индии, Китаю, Мексике ... Вы будете представлены ко «Двору приглашенных», уютному и недорогому ресторану, отныне открытому для вас и вашей семьи. Вы получите 10—20% скидку на покупки в смитсоновских магазинах и, конечно, подписку на «Смитсоновский журнал».

Впрочем, если вы столь щедры, что готовы внести 60, 125 и более долларов, ваш статус будет соответствовать категории «сторонника», «донора», «спонсора» и т. д., вплоть до «патрона». Разумеется каждая новая «визовая категория» включает в себя преимущества предшествующих и вместе с тем таит нечто новое. «Натурализовавшись» за 2 тыс. долл. в качестве члена Общества Джеймса Смитсона, вы будете с директорами и кураторами музеев проводить ежегодный уикэнд, завершаемый официальным обедом в компании членов Конгресса и представителей дипломатического корпуса. И вовсе не потому, что «много долларов — много ума», а в соответствии с вашим просвещенным мнением будут отбираться для вас копии редчайших документов и звукозаписей из смитсоновских коллекций.

О реальной популярности такого рода программ говорят цифры: только в одной из них, охватывающей жителей Вашингтона, участвует 125 тыс. ассоциированных членов. Всего же в 2 тыс. ежегодных мероприятий культурного, гуманитарного и научного характера, проводимых музеями, принимают участие 275 тыс. вашингтонцев. Единственным ограничением служит возрастной ценз: каждый из участников должен быть не моложе ... 4 лет.

Многие, впрочем, не ограничиваются подобными формами участия, предпочитая работать бок о бок с сотрудниками Смитсоновского института, и таких волонтеров — 5 тыс. Завершая эту тему, отметим, что право посещения музеев предоставляется всем желающим бесплатно.

Правомерно, однако, задаться вопросом: насколько описанное выше серьезно в научном плане, не слишком ли много затей и развлечений?

Общим в ответах на поставленный вопрос является их разнообразие и однозначность. Вот лишь несколько соображений. Смитсоновский институт является первым в Америке, в котором благоприятные условия для научных исследований были созданы за счет государственных субсидий. Резонно полагая, что цели нации лучше просматриваются на общенациональном горизонте, Конгресс выделяет Институту значительные дотации, без которых было бы трудно довести его годовой бюджет до отметки в 300 млн. долл., не учитывая дополнительного финансирования новейших проектов. В силу этого смитсоновцы просто обязаны выполнять определенные социальные функции. Характерно, что такая постановка вопроса ни у кого не вызывает сомнений. Она свободна и от академического снобизма и от обывательской ограниченности: просто американцы любят свой «Смитсонизм», и он отвечает им взаимностью. Насколько эффективна в этой связи деятельность Смитсоновского института как разумная альтернатива антисциентизму и технофобии, оставим судить читателю.

В контексте научных стандартов заметим, что занимательность и легкость восприятия экспозиций достигаются не только изучением общественной психологии, но и глубокой исследовательской работой, требующей профессиональных знаний в широкой области: от истории костюма до промышленной археологии. Пусть рядовой посетитель не заметит за фасадом Национального зоопарка совместной работы ученых многих стран по изучению и сохранению редких и вымирающих видов животных, специалист ее заметит наверняка. От него также не скроется, что кроме 30-метрового голубого кита, алмаза «Надежда» и «коралловых рифов» в Музее естественной истории можно обнаружить 300 первоклассных биологов, сочетающих музейную работу с профессиональными занятиями.

Научные традиции Смитсоновского института складывались под влиянием его первого секретаря — выдающегося американского физика Дж. Генри, чье имя увековечено в системе физических размерностей. К стати, оставшиеся после него материалы образуют специальный историко-научный фонд — «Бумаги Джозефа Генри», который доступен для любого исследователя, как и великолепная Дибнеровская библиотека по истории науки и техники.

В подтверждение достоверности сказанного сообщим, что Смитсоновский институт является национальным лидером в части предоставления стипендий по истории науки и техники. Реализуе-

мая им в этой сфере программа ежегодно привлекает более 50 до- и постдокторантов из ведущих университетов Америки. Они стажировались, в основном, в Национальном музее американской истории и Национальном аэрокосмическом музее, поскольку именно там силами примерно 100 специалистов ведутся фундаментальные исследования и практические разработки Смитсоновского института в данной области. Кроме того, что в Музее американской истории помещаются редакции двух ведущих журналов историко-научного профиля «Technology and Culture» и «American Quarterly», он является своего рода штаб-квартирой Общества истории науки, а также Общества истории техники. Возможности, предоставляемые Национальным аэрокосмическим музеем, ничуть не меньше. Таким образом, перед стажерами открываются широкие перспективы для самостоятельных исследований, получения консультаций и вхождения в историко-научный социум.

В целом, стипендиальная программа Смитсоновского института отличается удивительной широтой и дисциплинарным разнообразием. Стипендии, предоставляемые как студентам, так и сложившимся ученым на срок от 9 недель до 1 года, колеблются в зависимости от научного уровня стипендиата от одной до двух тыс. долл. в месяц, при этом расходы, связанные с необходимыми разъездами и получением консультаций, оплачиваются дополнительно. Читателю будет небезынтересно узнать, например, что в числе административных и информационных служб в уже известном нам Замке размещается независимый Международный центр ученых им. Вудро Вильсона, в функции которого, кроме прочего, входит выделение стипендий и грантов на проведение исследований, связанных с изучением зарубежных стран, в том числе — нашей, в Кеннановском институте.

Продолжая анализ собственно научной деятельности Смитсоновского института, вернемся к периоду его основания. После того, как в 1835 г. умер, не оставив детей, единственный племянник Дж. Смитсона, и вопросы, связанные с немалым наследством, составлявшим по-тогдашнему курсу 500 тыс. долл., были окончательно урегулированы, начались прения в Конгрессе, растянувшиеся на 10 лет. Завещание, дословно гласившее: «...основать в Соединенных Штатах Америки, в Вашингтоне Институт, под именем Смитсоновского для возрастания и проникновения знания», давало возможность самых различных толкований. Каким быть Институту? Быть ли ему школой, библиотекой, высшим учебным заведением, лабораторией? Может быть, экспериментальным фермерским хозяйством или обсерваторией? Мнения высказывались самые разные. Итоговое решение с истинно американской широтой вобрало в себя почти все предложения. Институт был задуман в постановочном единстве исследовательских и просветительских задач.

Следствием этой концепции стали: великолепная Смитсоновская астрофизическая обсерватория, входящая в Гарвард-Смитсоновский астрофизический центр и базирующаяся в Амадо (шт. Аризона); хорошо известная океанологам Морская исследовательская станция в Форте Пирс (шт. Флорида); Смитсоновский центр исследований окружающей среды в Эдживотере (шт. Мэриленд), специализирующийся на проблемах взаимодействия физических, химических и биологических факторов в эстуариях и бассейнах рек; Смитсоновский институт тропических исследований в Панаме, изучающий поведение, экологию и эволюцию тропических организмов.

Не менее серьезная исследовательская работа проводится историографами и архивистами Смитсоновского института, который с последней четверти XIX в. взял на себя летописные функции, ведя систематический историко-документальный анализ развития науки и техники в стране. Их деятельность дополняется усилиями искусствоведов из Смитсоновских архивов американского искусства. В Нью-Йорке, Дейтройте, Бостоне, Сан-Франциско, Лос-Анджелесе и Вашингтоне ими проводится постоянный поиск и экспертиза материалов, относящихся к истории американского изобразительного искусства. Институт накапливает буквально все связанное с «американским опытом», будь то автографы известных спортсменов, значки, выпускаемые в ходе предвыборных кампаний, детские игрушки, документы, отражающие творческую судьбу крупных ученых или путь темнокожих американцев в авиацию ... Если учесть сказанное выше и, если верно, что история — это не только история, но и рассказ о ней, то можно утверждать, что Смитсоновский институт в известном смысле подарил Соединенным Штатам Америки их историю, а это для молодой нации немаловажно.

Наше путешествие по Смитсоновскому институту близится к завершению. Непродолжительность экскурсии не позволила нам заглянуть, например, в Сад ваяния Музея Хиршхорна, хранящий творения Родена и Мура, в Музей африканского искусства, где закончился долгий путь удивительных работ в дереве и слоновой кости неизвестных художников, живших когда-то на границе Сахары, в Галерею Артура Саклера с её тысячей шедевров из Китая, Японии и Ближне-

го Востока ... Не удалось нам также посетить автономную, но входящую в состав Смитсоновского института Национальную галерею искусства, где собрана живопись и графика европейских мастеров, начиная с XIII столетия, и многое, многое другое. А жаль ... В культурном слое трудно провести демаркационную линию. Взять хотя бы Национальную портретную галерею, расположившуюся в старом здании Бюро патентов. Разве может это монументальное строение оставить безучастным историка архитектуры и тем более историка техники, для которого с ним связано столько захватывающих сюжетов? Не могут остаться без внимания и 700 портретов, находящихся внутри, навсегда сохранивших образы американцев, внесших общепризнанный вклад в науку, технику, культуру и политику. Их осмотр одинаково увлечет и обычного посетителя, и искусствоведа, плененного портретом Мэри Кэссет кисти Э. Дега, и историка, для которого этот пантеон ещё и уникальная иконотека.

Впечатления от посещения Смитсоновского института можно сохранить подольше, приобретая что-нибудь в одном из многочисленных магазинов, полных умных игрушек, моделей и других памятных сувениров, воспроизводящих художественную, научную и техническую мысль разных эпох и регионов. Но главным приобретением от визита в эту империю культуры может стать новое, более глубокое понимание единства человеческой цивилизации и самого духа истории, заключенного в связи времен, — в том, что прошлое уже было будущим, которое каждый день становится настоящим.

И. С. Дровеников

ВИЛЬЯМ Л. ВИТЬЮН (США)

ПРАКТИКА ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ НА ЗАПАДЕ

Как известно, в США и большинстве стран Западной Европы специалисты в области истории науки и техники заняты на профессорско-преподавательской работе в крупных университетах. В американских университетах специальность «история науки» была введена сравнительно недавно, что же касается специальности «история техники», то ее официальное признание состоялось еще позднее. Большинство специализированных университетских кафедр по истории науки возникли в США только после второй мировой войны; до этого американские, как и многие другие западные ученые, обычно рассматривали историю науки в качестве раздела философии, а не истории. На протяжении почти всего XX столетия «философия науки» относилась к историческим вопросам, связанные с жизнью науки, к увлекательным проблемам эпистемологии. Нормы научного доказательства, например, связывались со сменой философских идей, относящихся к познавательной деятельности человека. История науки, будь то эпоха Аристотеля или Эйнштейна, представлялась полезной постольку, поскольку снабжала примерами, иллюстрирующими вопросы философской теории. Время от времени историки обращали внимание на то, что некоторые из этих, так называемых исторических, иллюстраций фактически не верны. Философы находили это неудобным, но не решающим. Конечно, философию и историю разделить не просто, однако (и не только по мнению автора), к середине этого столетия история науки окончательно и по праву стала представлять предмет самостоятельного интереса. Исторические кафедры были теперь исполнены желания включить эту достаточно новую область в сферу своей компетенции.

История техники также боролась за свое признание как специальности и законного признания в академическом доме. Если история науки рассматривалась как часть философии, то история техники — как часть истории науки. И вновь проблема удовлетворительного размежевания не была столь простой, хотя начиная с первой промышленной революции XVIII в. многие комментаторы и историки старались осмыслить связи между быстрыми изменениями технологии и социальными условиями полностью вне связей с наукой. В настоящее время в американских университетах кафедры историко-технического профиля достаточно редки. В основном лишь университеты высшей категории имеют кафедры истории науки или истории науки и техники.

До сих пор во многих западных университетах союз истории науки и техники представляется неудобным: историки техники чаще чувствуют себя более уместными на широкой арене социальной